

ВИКТОР БОЧЕНКОВ

ЧЕЛОВЕК ВЕЛИКОЙ ЦЕЛИ

У прозаика Сергея Николаевича Маркова особенные герои.

Его путешественник — человек, выполняющий особое “творческое задание”, как определял Иван Ильин освоение русскими огромных пространств шестой части земного шара... За каждым очерком стоит порой собственное путешествие: поездка или архивный поиск — дорога в прошлое, в историю, и это не путь назад, а вперёд, к истоку. Началом подвижнического труда стал разбор обнаруженных в период архангельской ссылки документов Российско-Американской компании. Первопроходцы у Маркова раскрыты как люди великой цели. Так он озаглавил одну из рукописей. Она сейчас хранится в фонде издательства “Советский писатель” в Российском государственном архиве литературы и искусства.

Марков возвращал имена.

Одновременно он постигал человеческий характер и ту стихию духа, который зовёт вперёд первопроходца. У Маркова путешественник и первооткрыватель, прежде всего, творцы. Они записывают сказания, эпические поэмы — духовное богатство народов, они открывают месторождения, прокладывают дороги, им интересно всё, что встречается на пути, — россыпи камней, быт и образ жизни племён, растения и животные. Они знакомят и сближают людей. Сказать шире, обобщённое — делают, быть может, невозможное: создают человеческое братство.

Удивительна черта прозы Маркова. С одной стороны, это вроде бы обыкновенная статья, цель которой — просто увековечить память о путешественнике, поделиться собственными находками. Однако за каждым именем и строкой ты начинаешь чувствовать вот это ильинское — “русская национальная территория добыта кровью и трудом, волею и духом...” Горизонт расширяется. Следуя за повествованием и погружаясь в него дальше, ощущаешь, что ты и сам способен, если захочешь, стать таким же первопроходцем. Писатель помогает открыть в себе созидателя. И человека он раскрывает, прежде всего, как созидателя. Через характер путешественника предстаёт у Маркова идеал человека как такового. Путь, дорога, пространство показаны им как судьба, и человек — как её строитель. В этом, к примеру, безусловная, на мой взгляд, удача образа Чокана Валиханова, которому посвящена историко-биографическая повесть “Идущие к вершинам”.

Можно, конечно, сказать, что Марков обобщал и систематизировал сведения о людях, совершавших географические открытия, был популяризатором, благодаря ему мы знаем — и дальше перечень имён, кого знаем. Но это для какого-нибудь словаря.

Дорога вперёд есть в то же время путь к себе самому. История как прошлое у Маркова требует уточняющего слова через дефис: история-созидание, история-самопознание, история-судьба. Странствие предстаёт как дело волевого выбора, и дальше, до самого конца жизни, требует умения преодолевать себя. Лаврентий Загоскин в “Юконском вороне” должен либо смириться с участью разжалованного в рядовые матросы, надеясь на помилование, с безликой должностью “лица, временно состоящего в службе и распоряжении

у Российско-Американской компании”, либо идти неведомо куда, где среди снега будет танцевать индейская девушка, надев шкуру только что убитого медведя, где он научится пить кровь пойманных в силки глухарей, где его нарекут Белым Горностаем, где стоят в ночном небе пламенные столбы северного сияния, от которых, кажется, горит снег, где ему предстоит вести топографические съёмки, впервые нанести на карту реку с непривычным названием Квихпак, по-другому Юкон, похожую на лапу тетерева, лежащую когтями к северу... Самым трудным для Загоскина будет не только то, что он увидел и пережил, самым трудным будет описать всё это, те минуты великого душевного напряжения, которые “зовутся подвигом, любовью, отвагой и без которых немислима была для него жизнь”.

У поэта Сергея Николаевича Маркова тоже особые герои.

У Маркова-поэта первопроходец рад разнообразию жизни, как утончённый ценитель рад мозаике, где каждое стёклышко переливается особым цветом, стоит на нужном месте, где гармония отдельных частиц составляет гармонию целого, создавая то, что мы называем Прекрасным. Герои Маркова умеют вживаться в чужое, принимая его, как своё.

Первопроходцы Маркова не теряют связи с той средой, откуда вышли. Маркова интересует самобытный мир, а не придуманная самобытность. Он умел проникать в миропонимание своих героев, или, можно сказать – проникаться ими, перевоплощаться в того, о ком писал.

*В оленьих унтах, в сибирской дохе,
Сквозь снег и морозный свет,
Белая Тара — Дара-Эхе
Пойдёт за мною в Тибет!*

“Белая Тара”

Ему удалась галерея великих образов, где каждый – подвижник идеи, своего дела, предназначения: Велимир Хлебников, адмирал Колчак, Витус Беринг, Козьма Минин, Иван Сусанин, Пётр Кропоткин, Михаил Ломоносов, Александр Невский...

Сергей Марков родился в Кологривском уезде Костромской губернии в 1906 году. “Таких городов на Руси не честь, – писал он позже. – Но в Кологриве жил путешественник Ладыженский, собиратель предметов восточного искусства, за которыми он ездил в Китай из своей костромской глухомани!” Отец Маркова, землемер, занимался межевыми работами. Семья часто переезжала с места на место. В 1919 году, отступая с частями атамана Дутова, Марковы оказались в Акмолинске, ныне это город в Казахстане, на Ишиме, называется Нур-Султан. Здесь у будущего писателя умер от тифа отец. Спустя два года от холеры умерла мать. Марков был старшим из шести детей. Он начал работать – кем только можно, от разносчика газет до служащего уездного продовольственного комиссариата и канцелярии народного следователя. Младших братьев и сестёр отдали в детский дом.

Одновременно он попробовал писать. В акмолинском “Красном вестнике” появилось первое стихотворение “Революция”.

А дальше были снова дороги – Петропавловск, Новосибирск, Ленинград, Москва, Тянь-Шань...

В 1932 году Сергей Марков вместе с поэтами Леонидом Мартыновым, Павлом Васильевым, писателями Евгением Забелиным, Николаем Ановым и другими был осуждён на три года ссылки по обвинению в контрреволюционной агитации. С 1928 года он входил в литературную группу “Памир” (название предложил Леонид Мартынов). В 1930-м оно поменялось – возникла “Сибирская бригада”. Ордера на арест подписывал Генрих Ягода, заместитель председателя ОГПУ, начальник Секретно-оперативного управления. То было одно из первых крупных коллективных писательских дел. Подробности его приведены в статье Станислава Куняева “Огонь под пеплом. Дело “Сибирской бригады” в июльском номере журнала “Наш современник” за 1992 год*.

Из тюрьмы на Лубянке Сергей Марков отправился в Мезень, оттуда через какое-то время – в Архангельск. Работал в местных газетах. Когда срок истёк,

* Куняев С. Ю. Огонь под пеплом. Дело “Сибирской бригады” // Наш современник. 1992. № 7. С. 149–159.

переехал в Калинин (Тверь), жил в Можайске. После того как немцев отбросили от столицы, а самого писателя демобилизовали из армии, он обретает жильё в Москве.

Моя статья — попытка показать, какой исследовательский труд стоял за книгами Сергея Маркова. Диссертации о его творчестве есть, хотя их и немного, по пальцам пересчитать. Но давно пришла пора собирать и публиковать документы, связанные с именем писателя. Человек, разыскивавший — и небезуспешно — чужие архивы, осознававший всю важность этого дела, не передал в РГАЛИ свой. Конечно, отдельные документы там есть, наберётся десяток-шесть единиц хранения, не больше. Рукописи, сохранившиеся в издательствах и журналах “Знамя”, “Наш современник”, “Новый мир”, “Октябрь”. В редакции журнала “30 дней” (Ф. 620. Оп. 1. Д. 532) — был такой — остались автографы записей казахских народных песен, сделанных Марковым и Павлом Васильевым. Они озаглавлены “Большая вошь” и “Песня о трёх ордах” и датируются 1930-ми годами. Сам журнал выходил с 1925-го по 1941 год. Есть внутренние рецензии на некоторые произведения, в частности, на роман “Юконский ворон”, на стихотворные сборники, есть авторские дела, рукописи и машинописные тексты с правками. Есть письма в составе фондов других писателей: Всеволоду Вишневскому, Людмиле Кедринной (супруге поэта), Константину Коничеву — архангельскому писателю, редактору альманаха “Север”, “Лениздата”, Юрию Либединскому, Павлу Нилину, Тихону Сёмушкину, Александру Фадееву, Виктору Шкловскому и некоторым менее известным литераторам.

В публикациях о Маркове говорится, что, собирая сведения о путешественниках и первооткрывателях, он обращался к краеведам. Письма писателя я встретил в архиве одного из них, Николая Михайловича Маслова. Они находятся в его личном фонде в Государственном архиве Калужской области. Их переписка длилась несколько лет. В письмах Марков предстаёт как человек, увлечённый своей идеей, своим делом, целеустремлённый, цепкий, готовый страстно рассказывать об открытиях и находках, подвигнуть к этому труду других.

Тайная надежда моя: вдруг ещё где-то, в других архивах, откроются письма Маркова к таким же не слишком известным интеллектуалам, благодаря которым сберегается, передаётся от поколения к поколению историческая память...

*

В журнале “Наука и жизнь”, который будет упомянут дальше в письме, Марков сообщал, что ему удалось найти новые архивные источники по истории русских морских путешествий. Его статья из сдвоенного первого и второго номера за 1944 год называлась “Летопись морской славы” и имела подзаголовок, заключённый в скобки: “Архивы исследователей Тихого океана”. Она тоже упомянута далее в письме. К поискам документов и рукописей, редких книг, которые велись им в городах восточной части Советского Союза, Марков привлёк краеведов из разных городов.

Статья начиналась с рассказа о библиотеке красноярского купца-библиофила Геннадия Васильевича Юдина. В начале XIX века она была продана правительству США и пополнила фонды Библиотеки Конгресса. Но часть рукописной коллекции осталась в Красноярске. Один из местных историков, разобравший рукописи, установил, что в большинстве своём они относятся к пребыванию русских путешественников на севере Тихого океана*. Здесь

* К истории этих поисков Сергей Марков вернётся позже в цикле очерков “От Москвы до Забайкальска”. “Меня взволновала судьба красноярской Афонтовой горы. Там когда-то находилась знаменитая библиотека Г. В. Юдина, всемирно известное хранилище редчайших книг и рукописей. В доме с белыми ставнями, в комнатах, заставленных книжными шкафами, в 1897 году трудился В. И. Ленин, пользовавшийся печатными источниками из юдинского собрания. Но не прошло и десяти лет, как совершилось нечто непоправимое: библиотека Геннадия Юдина, почти целиком составленная из изданий, посвящённых Сибири и её богатствам, была скуплена представителем библиотеки Конгресса США и перевезена в Вашингтон. Через тридцать четыре года после утраты нашей страной красноярского сокровища меня однажды осенила мысль о том, что на Афонтовой горе могут храниться драгоценные рукописи, случайно не попавшие в число книжных грузов, отправленных в Северную Америку. Старый архивный работник Красноярска Степан Николаевич Мамаев, которому в 1959 году исполнилось бы сто лет, несмотря на свой преклонный возраст, на девятом десятке своей жизни по моей просьбе начал поиски юдинских бумаг. Догадка подтвердилась. Так в 1940 году были отысканы копии замечательных документов XVIII и XIX столетий, рассказывавших о том, как русские люди открывали и осваивали земли Аляски и Северной Калифорнии”.

были записи, сделанные во время плавания якутского купца Павла Лебедева-Ласточкина с одним из компаньонов к Шантарским островам; корабельный журнал галиота "Три святителя" Григория Шелехова (сейчас пишут – Шелихова. – **В. Б.**) – знаменитого мореплавателя XVIII века, который осваивал русскую Аляску; документы руководителя первого русского кругосветного плавания предпринимателя и дипломата Николая Резанова – описание его путешествия в залив Сан-Франциско и приключений в Калифорнии; материалы для словаря аляскинских индейцев и жителей Алеутских островов. Их составил сам Резанов, ставший потом личным секретарём Гавриила Державина... Ценнейшие находки были сделаны в Великом Устюге, в архиве Владивостока, в рукописном фонде Научной библиотеки Казанского университета, в маленьком городке Тотьма Вологодской области, где родился Иван Кусков – учёный-самородок, проживший долгое время на Аляске и в Калифорнии, где он основал в 1811 году поселение Росс, совершивший плавание к архипелагу Королевы Шарлотты, на остров Ванкувер (принадлежат Канаде), "проводя целые годы в опасных скитаниях".

"Размеры статьи позволили нам сделать лишь беглый обзор содержания архивов русских исследователей Тихого океана. Эти летописи о героизме и предприимчивости русских мореходов должны быть изданы", – завершал свою короткую заметку – пожалуй, именно так, поскольку две страницы – это либо очень короткая статья, либо расширенная заметка – Сергей Марков.

Шла война, музеи работали, архивы были открыты... Нужно было продолжать поиски. Марков обращает внимание на другие города, стремясь отыскать документы именно на родине путешественников.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 июля 1944 года была образована Калужская область. В общем и целом её границы совпали с дореволюционными, когда она именовалась губернией, отдельные небольшие территории отошли к Тульской, Смоленской и Московской областям. У Маркова нет ни связей, ни адресов. Он пишет наугад в краеведческий музей в надежде на ответ, на человеческое неравнодушие... На письме, которое передали научному сотруднику Николаю Михайловичу Маслову, стояла дата – 3 августа 1944 года. Прошёл только месяц, как Калужская область появилась на карте. Письмо было написано с обеих сторон на двух листах, вырванных из блокнота.

Директору калужского музея.

Уважаемый товарищ!

Обращаюсь к вам со следующей просьбой. (Заранее делаю, правда, оговорку: я не знаю, уцелел ли ваш музей во время немецкой оккупации, не знаю, цел ли местный архив.) Тем не менее мне необходимо следующее. Мне документально известно, что в Калуге в 1866–1867 гг. жил б[ывший] морской капитан, один из первых русских кругосветных путешественников Семён Ив. Яновский (род. около 1789 г., год смерти мне не известен.) Яновский в 1817–1821 гг. был Главным правителем Российско-Американских колоний и жил в Ново-Архангельске (Ситке) на Аляске. Там в 1818 г. он женился на дочери знаменитого русского пионера Аляски А. Баранова – Анне Александровне Барановой. От неё он имел сына Александра (впоследствии иеромонах Христофор; может быть – в Тихоновой калужской пустыни). Упоминается также и дочь Яновского Елизавета, имя третьей дочери мне не известно. Яновский жил в Калуге до 1867 г. После этого года Яновский, согласно своим религиозным убеждениям, постригся в монахи и закончил свою жизнь в Тихоновой пустыни. До 1867 г. он поддерживал письменные связи из Калуги с Валаамским монастырём. Но в 1867 г. он был ещё светским человеком. По моим предположениям, по указанию документов, Яновский и его семья, безусловно, имели в Калуге богатый семейный архив, библиотеку. В архиве Яновского должны были храниться материалы о его морских путешествиях. Я работаю в области собирания архивных материалов о русских исследователях Тихого океана, о кругосветных путешественниках, деятелях Российско-Американской компании и т. д. Мне посчастливилось найти остатки архивов, библиотек путешественников, мореходов в разных городах СССР. На очереди у меня поиски материалов о Яновском. Я даю вам канву для поисков данных о нём в Калуге. Очень прошу вас довести до сведения местных краеведов, архивных работников. Может быть, нам сообщат что-нибудь и удастся найти.

Пользуясь случаем, прошу также выяснить, насколько это возможно, какие русские путешественники в страны Востока вышли из Калуги и б[ывшей] Калужской губ., какие свидетельства об их жизни и деятельности сохранились до нашего времени в Калуге – в музее, в архивах. Нет ли каких-либо свидетельств о связях старой Калуги и калужских городов с Сибирью, Камчаткой, Охотском, Кяхтой, Ирбитом, странами Тихого океана и т. д. Не было ли выходцев из Калуги в числе сибирского купечества в XVIII в.? Мне, например, известно, что калужский купец Юдин дал знаменитому основателю Российско-Америк[анской] К^о Г. Шелехову 1500 руб. как пай для участия в первом плавании Шелехова к берегам Аляски и о. Кодьяк. Вот такие факты, детали, архивные свидетельства, местные предания и нужны мне.

Кажется, знаменитый штурман Челюскин был калужским уроженцем?

В моей практике были случаи, когда в наше время на местах совершенно неожиданно отыскивались даже прямые потомки путешественников и др. замечательных уроженцев.

В № 1-2 журнала “Наука и жизнь” за 1944 г. напечатана моя статья о поисках архивов, которые я веду. Отсылаю вас к ней, если моё письмо к вам возбудит ваш интерес. За помощь буду горячо благодарен. Это письмо моё даёт первое понятие о том, чего я хочу от местных краеведов и ревнителей родной старины. Все справки, советы, отклики на это письмо просите краеведов направлять по адресу: Москва, 104. Тверской бульвар, 25, кв. 26. Писателю Сергею Никол[аевичу] Маркову.

С приветом,

член Союза писателей СССР Сергей Марков.

P. S. С нетерпением буду ожидать вашего ответа.

С. М.

В материалах Яновского могут быть ценные материалы Баранова и др. пионеров Аляски*.

На первом листе письма Николай Маслов сделал пометку, что ответил 8 августа. Он не оставил копию в своём личном архиве. Все письма Маркова сохранил. Но тут пора пояснить, кто он сам...

Отец Маслова торговал в Калуге рыбой. Сын Николай родился у него в 1890 году, окончил здешнее реальное училище, потом поступил в Московский коммерческий институт, но учиться до конца не пришлось: в 1915-м его призвали на фронт. Сначала, после ускоренных курсов военного училища, получив звание прапорщика, он служил младшим офицером в запасных полках, а Февральскую революцию встретил в окопах. В ноябре его эвакуировали по болезни, а в январе 1918 года окончательно уволили с воинской службы. Потом была гражданская война, которая в конечном счёте завершилась для Маслова в Калуге: его откомандировали в Высшую военно-автомобильную школу, но автотехническое отделение, куда он поступил, было расформировано, и пришло новое назначение – в Калужскую губернскую военно-инженерную дистанцию на административно-хозяйственную должность**. С 1930 года он работал в геологической разведке, открыл мраморовидные известняки у деревни Квань под Калугой. Их использовали при строительстве метро в Москве. А с 1938 года стал научным сотрудником краеведческого музея, с 1 июля 1941-го назначен исполняющим обязанности директора.

Круг его интересов был широк. Маслову принадлежат статьи об истории края в местной периодике, об архитектуре, о писателях и художниках, связанных с Калугой, о народных промыслах, природных богатствах, туристических маршрутах. Он занимался древней книжностью, часть рукописей из его коллекции после смерти была передана вдовой, Клавдией Павловной Масловой, в дар рукописному отделу Института русской литературы. В 1958 году в “Калужском книжном издательстве” у Маслова вышла книга “Памятные места, связанные с именем К. Э. Циолковского”. На обложке деревянные дома вдоль спускающейся под горку улицы, а над ними летит в космос ракета. Это был итог многих лет изучения жизни и деятельности великого учёного. В том же году увидел свет сборник, адресованный туристам и краеведам, Николай Маслов стал одним из его соавторов – “По Калуге и Калужской области”.

* ГАКО (Государственный архив Калужской области). Ф. Р.-3562. Оп. 1. Д. 160.

** Калуга. Сорок первый год... / Авт. и сост. Н. В. Гущина. Калуга, 2013. Т. 2. С. 55-56.

Нужен комментарий к признанию Маркова “не знаю, уцелел ли ваш музей”. Да, хотя не избежал утрат. Именно Маслову была поручена эвакуация всей его коллекции. Однако на вокзале не выделили вагонов. Калужский горисполком предписал подобрать помещения для хранения экспонатов и опечатать их. Понятно, что, когда 12 октября 1941 года в Калугу вошли немцы, а в здании музея разместились штаб оккупационной армии, никто не обращал внимания на печати. Маслов и другие сотрудники сделали всё, чтобы сохранить ценности, — путём уловок, изворотов, ухищрений. Однако многое оказалось разворованным. Немцы уже упаковали в ящики для отправки в Германию картины, но город был освобождён, их не успели увезти. Часть картин и рисунков всё-таки пропала бесследно...

Теперь о людях, которых упомянул Сергей Марков.

Семён Яновский, назначенный в октябре 1818 года (писатель указывает 1817 год) правителем колоний Российско-Американской компании на Аляске и в Калифорнии, родился в Черниговской губернии, служил на Балтийском и Северном морях, в том числе в период войны с Наполеоном. В 1817–1818 годах принял участие в кругосветном путешествии; когда корабли пришли в посёлок Ново-Архангельск на острове Ситка (ныне Баранова) в архипелаге Александра — тогдашний центр российских владений здесь, — Яновский попросил у правителя Русской Аляски руки его дочери (от брака с местной индианкой, на которой тот был женат). У Маркова в письме неточность: Анной звали жену Александра Баранова, а его дочь, будущую супругу Яновского, Ириной. Вскоре, в том же 1818 году лейтенант-кругосветчик сменил болеющего тестя, заключив контракт с Российско-Американской компанией. В должности пробыл без малого два года, пока не истёк срок договора. В мае 1821-го, сдав дела, Яновский отплыл с женой и малолетним сыном в Петербург. “Итак, прощай, Ситха! — записал он в путевом дневнике. — Увижу ли я тебя когда-нибудь? С сожалением оставил я ту страну, где приобрёл себе любезную подругу жизни... Дай Бог, чтобы мои дети были так счастливы, как я, бывши в Америке”. В Якутске у Яновского родилась дочь Мария. В конце 1822 года семья приехала в Петербург. Семён Иванович продолжил службу, а через десять лет, когда Ирина Александровна уже умерла от чахотки, а сам он был женат вторым браком, переехал подальше от столицы в Калугу. Как сообщает современная “Калужская энциклопедия”, Яновский “поощрял занятия учеников и преподавателей в составлении метеосводок. Принимал активнейшее участие в проведении реформ Александра II. Ему принадлежали подробные статистические отчёты по проверке помещичьих и крестьянских хозяйств в Калужском и Тарусском уездах”*. За несколько лет до смерти он действительно ушёл в монастырь, об этом чуть дальше.

Семён Челюскин родился около 1700 года в Белёве, город входил тогда в Тульское наместничество. Он участвовал в качестве штурмана в Великой северной экспедиции Василия Прончищева по Лене к Таймыру и вёл дневниковые записи, а в сентябре 1736 года принял командование кораблём и вывел его из залива Фаддея (в море Лаптевых) к устью реки Оленёк. В следующем году плавал вместе с экспедицией Харитона Лаптева, ходил на Таймыр, открыл самую северную точку континентальной Евразии, которую назвали его именем — мыс Челюскин. Калужским уроженцем он не был.

Александр Баранов, упомянутый в самом конце письма, — первый главный правитель русских поселений на Аляске. В октябре 1804 года отбил у индейцев захваченный ими остров Ситка и восстановил разрушенный форт Ново-Архангельск. В 1812 году по его распоряжению в Калифорнии была основана Иваном Кусковым русская торговая фактория форт Росс. Кусков был назначен её комендантом. Он заключил договор с индейцами, который юридически закреплял передачу русских владений в Калифорнии в собственность Российско-Американской компании. В наши дни имя Баранова упоминалось в связи с намерением городского совета Ситки перенести памятник правителю русских поселений в Северной Америке из центра, с видного места, в музей, подальше от глаз...

Николай Маслов знал местную дореволюционную периодику. Он ответил, что в “Известиях Калужской учёной архивной комиссии” в 1898-м и 1899 годах печатались “Записки С. И. Яновского” о кругосветном путешествии. Их

* Калужская энциклопедия. Калуга, 2005. С. 492.

опубликовал калужский историк В. Кашкаров, получивший их от дочери Семёна Ивановича, игумении Калужского Казанского девичьего монастыря Ангелины. (“Очевидно, Елизавета, так как других дочерей у С. И. не было, судя по списку дворянских родов Калужской губ.”, оговаривался Маслов. Он ошибается, были, просто в книгу оказались внесены не все. Современными исследователями уточнено мирское имя инокини — Александра. Кроме Елизаветы и Марии, она была третьей дочерью и последним ребёнком в семье Яновского).*

Что касается первого ответного письма, так вышло, что Маслов его потерял и, не зная, бросил ли наше письмо в почтовый ящик, написал Маркову второе. От него сохранился в архиве только краткий набросок. Судя по всему, калужский краевед называл ещё какие-то имена и интересовался возможностью напечатать статью в журнале “Вокруг света” о широкой — от Арктики до Китая — торговле канарейками, которой занимались рабочие Полотняно-заводской фабрики. . . Надо сказать, что Марков в те годы работал в этом журнале, на третьей странице обложки регулярно раз в месяц публиковались под рубрикой “Наша летопись” краткие заметки о путешественниках, сопровождаемые рисунками. Во второй половине 1940-х на страницах “Вокруг света” мелькают имена ведущих писателей — Петра Вершигоры, Юрия Нагибина, Дмитрия Нагишкина, Бориса Полевого, Михаила Пришвина, Тихона Сёмушкина, Ивана Соколова-Микитова и других. Что было и что стало! Если в те годы журнал вёл за собой к открытиям и формировал читателя, хотя тогдашняя советская идеология с темой классово-борьбы не могла не отразиться на многих публикациях, теперь, глянцево-переполненный рекламой, он вполне удовлетворяет вкус обывательской аудитории “рыночного общества”. Это уже другой, приспособившийся к новому времени журнал. . .

В ответ Маслову пришла почтовая карточка. На марке был изображён орден Александра Невского, а рядом, на адресной стороне, аккуратно выведен от руки тот же адрес музея, уже с фамилией адресата: “Калуга, ул. Пушкинская, 14. Маслову”**. Судя по дате, Марков ответил, как только получил письмо:

20 августа 1944 г.

Глубокоуважаемый Николай Михайлович!

Приношу вам глубокую благодарность за первые справки об Яновском. Скоро я напишу вам подробное письмо, в котором изложу свои предположения о возможности поисков новых материалов о землепроходцах в Калуге. Пока же очень прошу вас установить дату смерти С. Яновского; она мне не известна. Также, пожалуйста, сообщите, кто это — перечисляемые вами калужане? Если они будут для меня интересны, тогда я обращусь к вам за более подробными справками. О вывозе певчих птиц в Китай я знаю. Нет ли некролога об Яновском в старой местной печати (епархиальной и другой)?

С приветом.

Сергей Марков.

Семён Иванович Яновский принял иночество с наречением имени Сергей и поселился в монастыре Успения Пресвятой Богородицы Калужская Свято-Тихонова пустынь, как он полностью называется. Он принял там схиму и упокоился 19 января 1876 года.

Его сын Александр сначала подвизался в Оптиной пустыни, потом последовал за отцом. Монашеское имя упомянуто в первом письме Маркова верно: Христофор. Совершая в апреле 1876 года поминальную службу по отцу в своей келье, там же в Тихоновой пустыни, он нечаянно задел керосиновую лампу и обгорел, а через несколько дней умер от ожогов. Отца и сына похоронили рядом. . .

Некролога в “Калужских епархиальных ведомостях” и светской периодике не было. Спустя двадцать лет газета “Калужские губернские ведомости” опубликовала заметку “Новая настоятельница Калужского женского монастыря игуменья Ангелина”; речь шла о дочери Семёна Яновского (в миру — Александре),

* Х о л о п о в Ю. В. Одиссея капитана Яновского. Калуга, 1998. С. 89, 114. Александра Яновская родилась предположительно в 1847 году.

** Рукой Маслова на карточке сделаны карандашные отрывочные записи, он что-то искал для Маркова. Указана ссылка на номера 39 и 40 газеты “Калужские губернские ведомости” за 1859 год. Приписано, что Яновский был директором училищ Калужской губернии с 21 декабря 1834 по декабрь 1851 года.

которая тоже последовала примеру отца и брата. Ко времени возведения в сан игуменьи она пробыла инокиней 33 года...

В 1998 году в Калуге вышло в свет биографическое исследование журналиста и поэта Юрия Холопова "Одиссея лейтенанта Яновского", посвящённое общественному деятелю и путешественнику. Марков начинал собирать сведения о нём по крупицам.

Переписка приостановилась, писатель возобновил её почти через два года первым. Снова прислал почтовую карточку. Планов поиска документов о землепроходцах в Калуге он не предлагал...

6 июня 1947 г.

Уважаемый Николай Михайлович!

Наша деловая переписка как-то оборвалась, и я решил её возобновить. Не удалось ли вам за это время найти что-либо новое и существенное о калужанах — землепроходцах и путешественниках?

За это время издательство Главсевморпути выпустило мой роман "Юконский ворон". В книге содержится и большое историческое послесловие "Летопись Аляски". Не сочли бы вы возможным дать в местной печати строгую критику этой книги, аннотацию и т. д.? Послесловие это вышло также отдельной книгой в издательстве Мин[истерст]ва вооружённых сил СССР. Видели ли вы эти книги, есть ли они в калужских библиотеках?

С приветом — Сергей Марков.

По предложению главного редактора издательства Главсевморпути М. Б. Черненко, Марков написал к "Юконскому ворону" приложение, которое озаглавил "Летопись Аляски". Оно и упомянуто в письме. При этом редактор сам приехал к писателю на Тверской бульвар, 25, и долго обсуждал издание*. По этому адресу, указанному, к слову, в первом письме Маслову в краеведческий музей, располагается Литературный институт. Писатель при нём жил во флигеле. Объёмами Маркова не ограничивали. В итоге за две недели он написал очерк в десять печатных листов. Издательство Главсевморпути переиздало его в 1948 году отдельной книгой.

Хорошо знавший Маркова поэт и публицист Станислав Золотцев упоминает, что "Летопись Аляски" была написана по личному телефонному указанию Сталина**. Сомневаюсь, однако, что Сталин вообще знал Маркова и тем более ему звонил. Не ссылается на этот звонок и жена писателя Галина Маркова, предваряя вступительной статьёй книгу "Летопись Аляски" 1991 года. Но указание, не исключая, могло быть. И на него мог ссылаться Черненко в своих переговорах. Но получил его, возможно, даже и не он, обычный редактор, каких сотни, а кто-нибудь повыше в Главном управлении Северного морского пути, и Марков со своими поисками, открытиями, знаниями, настойчивостью оказался как нельзя кстати...

По-видимому, Маслов ответил, что "Юконский ворон" ему знаком, поскольку в следующем письме Маркова упоминается рецензия, которую калужский краевед, видимо, пообещал написать. Роман был посвящён Лаврентию Загоскину, троюродному брату автора "Русских в 1612 году", исследователю Аляски и Алеутских островов.

Очередную почтовую карточку Маслов получил через месяц. На адресной стороне был рисунок, посвящённый 28-й годовщине Красной армии: мавзоль Ленина, сомкнутая шеренга воинов, держащих впереди себя винтовки со штыками. Обычная марка с лётчиком в шлеме за 30 копеек. Фиолетовые чернила (чаще Марков писал чёрными). Буквы почти печатные. Таким почерком только на географических картах обозначать названия. Ножка "Т" опускалась несколько ниже строки и порой загибалась влево, как кривой гвоздь. Павелец, упоминаемый в письме, — посёлок в Рязанской области.

Павелец, 3 авг. 1947 г.

Уважаемый Н. М.

Пишу вам из Павельца, где отдыхаю около двух недель. К 10 августа возвращусь в Москву и тогда самым подробным образом постараюсь ответить на все ваши вопросы.

* Маркова Г. Тихоокеанская картотека // Марков С. Летопись Аляски. М., 1991. С. 5.

** Золотцев С. Марков Сергей Николаевич // Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Русская литература / Ред. и сост. О. А. Платонов. М., 2004. С. 640.

Если газета “Знамя” напечатает вашу рецензию на “Юконского ворона”, пожалуйста, пришлите мне номер газеты.

Насчёт Софрона Хитрово, спутника Беринга, я смогу указать вам кое-то из известных мне источников. Об остальных тоже напишу. Бегичев Никифор Алексеевич (его вы имеете в виду?) не калужанин, а из Царёва, с низовьев Волги. О Прончищевых, муже и жене, известно вообще очень мало.

Обязательно зайдите ко мне, когда будете в Москве. Лучше всего видеться со мной часов в 7-8 вечера. Но я до нашего знакомства вам напишу, при личной встрече мы ещё и подробно поговорим.

С приветом – Сергей Марков.

В калужской областной газете “Знамя” изредка появлялась рубрика “Критика и библиография”. Кроме политических изданий тех лет здесь публиковались отзывы на художественные произведения. Я встретил отклик на “Ветер с юга” некогда известного Эльмара Грина (тогда, в 1947-м, за этот роман он получил Сталинскую премию), поэму “Флаг над сельсоветом” Алексея Недогонова. Рецензии на Маркова нет. Если бы её опубликовали, наверное, Маслов выслал бы газеты, а писатель в ответном письме подтвердил бы получение и выразил благодарность. Но собеседники больше не возвращаются в своей переписке к “Юконскому ворону”.

Никифор Бегичев – полярный путешественник, и родом он действительно из Царёва, это в Астраханской губернии. В 1903 году он участвовал в спасательной экспедиции под руководством Александра Колчака, тогда простого лейтенанта. После Русско-японской войны навсегда уехал на Таймыр, где, уже в годы советской власти, погиб, заблудившись в тундре, от цинги.

О Прончищевых теперь, спустя десятилетия, известно больше. На берегу речушки Мышеги в Калужской области стоит село Богимово. Здесь в 1702 году и родился будущий командир третьего картографического отряда Великой Северной экспедиции Василий Васильевич Прончищев. Лето 1891 года в этом имении, которым тогда владел уже другой человек, помещик Евгений Былим-Колоссовский, провёл Антон Чехов, написавший здесь повесть “Дуэль”, главы из “Острова Сахалина”. . . На сегодняшний день для усадьбы удалось добиться статуса исторического памятника регионального значения. Она ещё не разрушена, но требует восстановления, а оно мало волнует тех, кто благодаря в том числе Прончищеву сегодня качает нефть на Таймыре. По федеральному законодательству вопросы сохранения объектов культурного наследия должен решать собственник. В данном случае – Ферзиковский район Калужской области, его администрация. Районному бюджету это не потянуть. Мелким частным предприятиям, пусть искренне старающимся помочь, тоже. Из одной формы собственности в другую памятник в два счёта не переведёшь, да и в этом случае на быстрое поступление необходимых средств (откуда?!) надеяться нельзя.

Василий Прончищев окончил навигацкую школу – ту самую, что располагалась некогда в Сухаревской башне в Москве, а потом Морскую академию в Петербурге. В 1732-м подал прошение зачислить его в состав Северной экспедиции. Предполагалось, что она продлится несколько лет, и жена Прончищева, Татьяна Фёдоровна, отправилась на Север вместе с мужем. Обвенчались они в дороге. . . Прончищев первым составил точную карту Лены, побережья моря Лаптевых от устья Лены до залива Фаддея, открыл ряд островов, провёл наблюдения над состоянием льдов, погодой, приливами и отливами. Он умер в конце августа 1736 года. Жена пережила его на две недели и скончалась предположительно от воспаления лёгких. Они похоронены вместе в якутском селе Усть-Оленёк. Подвигу экспедиции посвящена изданная в Калуге в 2008 году книга краеведа из Ферзиково Александра Кандидова “Исследователь Крайнего Севера мореплаватель Василий Прончищев” . . .

Маслов послал вместе с ответом статью для журнала “Вокруг света”. Марков упоминает её в следующем письме. Несколько строк, аккуратно выведенных на почтовой карточке, сообщали делово, сухо:

Уважаемый Н. М. !

Ваша заметка о калужских канарейках будет напечатана в ближайших номерах журнала “Вокруг света”. Извините за задержку ответа.

Уважающий вас Сергей Марков.

24 июля 1948 г. Москва.

Маслов ответил в середине октября. Через месяц “с хвостиком” пришло письмо из Москвы.

12 ноября 1948 г.

Уважаемый Николай Михайлович!

Мне очень неловко перед Вами за то, что я до сих пор не ответил на Ваше письмо от 17 октября. Но у меня есть весьма уважительная причина. Я очень болел и более месяца был прикован к постели межрёберной невралгией. Сейчас мне лучше, и я стал выходить из дома.

Я сговорился в издательстве “Молодая гвардия” о том, что мне достанут два номера журнала “Вокруг света” с Вашими канарейками, и при первой возможности я Вам их перешлю.

Рассказы пишите и присылайте прямо в редакцию “Вокруг света”, я потом о них справлюсь. Я боюсь что-либо вам подсказывать в отношении построения рассказов, но думаю, что героями их вряд ли стоит делать именно детей, это для “Вокруг света” вовсе не обязательно.

Пожалуйста, пришлите мне книжку “Валаамские подвижники”. Я Вам её пришлю обратно после прочтения. Может, в этой именно книжке найдётся какая-либо крупная драгоценная находка.

Желаю вам успехов в работе!

Жму руку. Сергей Марков.

Небольшая статья, скорее, заметка Николая Маслова “Калужские канарейки” была опубликована в 1948 году в № 9 “Вокруг света”, это о ней идёт речь. Дальше имеется в виду книга “Валаамский монастырь и его подвижники” с географическим и историческим очерком. Исправленное и дополненное переиздание вышло в свет в 1889 году. Книга есть в “Ленинке” – Российской Государственной библиотеке. В следующем письме Маркова она не упоминается. Там возникает совсем другая тема – икона-карта Соловецких островов. Оно пришло от Маркова спустя полгода. Писатель упоминает современника Ивана Грозного английского дипломата Джерома Горсея – автора мемуарных сочинений. Письмо было написано на листе писчей бумаги формата А4, как сейчас принято его определять, с одной стороны чёрными чернилами. Икона-карта – это изображение святых Зосимы и Савватия, и рядом с ними – контур острова, море, парусные корабли. Марков запрашивает у Маслова конкретные сведения.

12 апреля 1949 г.

Москва, 7.

Беговая, 4а, корп. 7, кв. 7.

Сергей Марков.

Н. М. Маслову, Калуга.

Уважаемый Николай Михайлович!

Помните, вы мне говорили о своеобразной иконе-карте Соловецких островов? Мне она не даёт покоя, ибо, кажется, корабли, изображённые на ней, есть те суда, которые были построены Грозным в Вологде именно для рейсов на Соловки (см. Горсея).

Не могли бы вы при случае прислать мне:

- 1) Фотографический снимок с иконы,
- 2) Краткую историю её приобретения,
- 3) Дату её написания (если это вообще возможно) и т. д.

Очень буду за всё это благодарен.

Нет ли чего нового о путешествиях?

Будете ли в Москве? Обязательно заходите. Учтите, что у меня есть теперь телефон: Д-3-00-80, доб. 2.

Почему не пишете для “Вокруг света”?

Уважающий вас Сергей Марков.

Р. S. Моя почта теперь не Москва-40, Москва-7. Это для писем.

Маслов написал об иконах. Предложил тему для статьи в “Вокруг света”. Через месяц получил ещё одно письмо.

17 мая 1949 г.

Москва.

Уважаемый Николай Михайлович!

Вернулся из поездки сегодня и распечатал ваше письмо, которое меня ожидало. Спасибо вам за справки о соловецких иконах.

Очерк для “Вокруг света” готовьте. Лучше всего – живая научно-популярная форма без всяких фабул. Вы сами это чувствуете! Присылайте очерк. Я прослежу за его прохождением по редакторским кругам и инстанциям.

Я вернулся из очаровательной поездки в Кострому и Галич. Поездка эта подтвердила правильность моих догадок о том, что тихоокеанские архивы надо искать в очень удалённых от океана местах, например в... Солигаличе.

Я открыл новый архив, не уступающий архиву Шелехова. Архив XVIII века о Китае, Японии, Аляске... Найдены документы Российско-Америк[анской] компании. Нашёл бумаги об участии Державина в организации отправки русских торговых караванов в Китай. Открыл целую библиотеку тихоокеанского морехода XVIII века.

Предстоят новые открытия в глухих костромских городках, дышащих... Тихим океаном.

В ряд этих городов я не мог пробраться в эту поездку. Думаю съездить ещё в родные места. (Я костромич по рождению, но жил там только в раннем возрасте.)

Кострома – большой и красивый город, но запущенный и ещё не поднявшийся над своим “районным” положением, в котором он неизвестно почему так долго пребывал.

В городе неплохой музей.

Здоровье моё лучше, хотя я не так давно вылежал месяц в постели. Рентген открыл у меня спондилёз – отложения солей на части позвонков. Отсюда мучительные боли: зажаты межрёберные нервы, на которые давят разросшиеся позвонки. Хорошего мало. Надо принимать какие-то рассасывающие средства, нужны режим и диета. Но – болей нет, и я пока счастлив и спокоен. Поездка меня оздоровила. Дочка моя Оля растёт и цветёт. У неё украли её друга – шпица Самурая. Теперь у нас боксёр (помесь дога и бульдога) – сука Вега. Ей три месяца, но этого зверя иногда трудно удержать на поводке. Когда зайдёте к нам, увидите это страшное животное, которое ведёт себя, однако, с нами очень кратко.

Пишите!

Жму руку.

Сергей Марков.

О своих находках по итогам поездки Марков написал и опубликовал в “Вокруг света” статьи “Кострома и Тихий океан” и “Русская карта Северной Америки” в номерах 8 и 11 за 1949 год.

На пару лет переписка прервалась. Но однажды летом Маслову снова пришла открытка из Москвы с отпечатанным на машинке текстом. Подпись, автограф, была синими чернилами. Поводом для письма стали сведения о путешественнике и агрономе Николае Абрамовиче Крюкове. Некоторое время тот был связан с Калугой. Уцепившись за это имя, Марков сразу же пытается навести дополнительные справки.

27 июля 1951 г. Москва.

Уважаемый Николай Михайлович!

Сообщаю некоторые данные о Н. А. Крюкове, очевидно, калужанине. Книга “Эвкалипты, их польза и значение” вышла в 1904 г. в СПб. Из текста видно, что автор бывал, кроме Австралии, в Аргентине и Чили. В 1901 г. в Калуге были изданы составленные Крюковым “Статистические данные о садоводстве в Тарусском уезде” (Издание Тарусского отдела И[мператорского] Российского о-ва садоводства). В Калуге же вышла брошюра Крюкова “Поездка русских хозяев и торговцев в Англию” (1902).

Есть ли музей и толковые краеведы в Тарусе? Пожалуйста, помогите мне связаться с ними, и мы сообщаем, может быть, найдём рукописи и архив Крюкова.

Если отыскали, пожалуйста, пришлите рецепт против куренья.

Жму руку. Сергей Марков.

Моя Вега растряслась семью (!) замечательными щенятами.

Николай Крюков родился в 1861 году в Иваново-Вознесенской губернии, окончил сразу два факультета Сельскохозяйственной академии в Петровско-Разумовском под Москвой — лесной и сельскохозяйственный. Несколько лет, с 1891-го по 1897 год работал агрономом на Дальнем Востоке, а потом инспектором сельского хозяйства в Ярославской, Калужской и Московской губерниях. За границей побывал благодаря командировкам. Под его редакцией выходил с 1907-го по 1913 год «Ежегодник» Департамента земледелия. После Октябрьской революции он вёл лекционную деятельность, преподавал в разных вузах. В 1927 году Научно-агрономическое общество Пермского университета чествовало Н. А. Крюкова как одного из старейших русских агрономов.

Сложно сказать, какие именно сведения о нём сообщил Маслов. Во всяком случае, как видно из биографической справки, в Калуге Крюков пробыл не так уж долго, и искать его личный архив нужно не здесь... Маслов мог перечислить некоторые книги Николая Крюкова, охарактеризовать их. По сей день в фондах Калужской областной библиотеки имени Белинского хранятся «Славянские земли» с подзаголовком «Сельское хозяйство в славянских землях в связи с общим развитием этих стран» (том первый), «Австралия: Сельское хозяйство в Австралии в связи с общим развитием страны», «Статистические данные о садоводстве в Тарусском уезде Калужской губернии», «Несколько мыслей о праздниках древонасаждения, посадке и защите деревьев» (Н. А. Крюков выступил в качестве одного из составителей), «Поездка второй партии русских хозяев и торговцев в Англию». В Калуге в 1901-м и 1902 годах вышли три последних книги (две из них упоминает Марков). Остальные две — в Петербурге и Москве.

Этот не всякому ныне известный учёный остался для писателя интересным. Через неделю с небольшим, получив скорый ответ, Марков отправил в Калугу ещё одну почтовую карточку.

4 августа 1951 г.

Уважаемый Николай Михайлович!

Спасибо за справки о Крюкове. Писать о нём, по-моему, стоит. Как-никак, он — исследователь Австралии и пионер идеи насаждения эвкалиптов. А вообще, разберёмся в нём подробно, лишь бы найти подробный материал. Напишу как-нибудь вам более подробно, сейчас — спешка со срочной работой. О Яновском пишите. Я приложу все старания, чтобы очерк появился в журнале.

Семья моя вернулась, и в доме потекло всё как раньше. Здоровье моё сейчас лучше. Спазмы бывают редко, днём их почти нет.

Щенки мои здоровы, хотя их осталось шесть из семи. Дочка моя расстроена, что у нас все шесть щенков «женские собачки» и нет ни одной «мужской». Сейчас написал небольшой очерк о декабристе Константине Торсоне, участнике плавания к берегам Антарктики. Человек большой и трудолюбивый!

До этого написал тоже небольшой, для газеты, очерк о Посошкове.

Пишите!

Привет!

Сергей Марков.

Константин Торсон — участник кругосветного плавания Фаддея Беллинсгаузена и Михаила Лазарева. Похоронен в посёлке Новоселенгинск в Бурятии. Его именем назвали необитаемый остров в архипелаге Южных Сандвичевых островов (они же Гавайские), но после декабрьского восстания 1825 года дали безликое название Высокий, которое он носит до сих пор.

Иван Тихонович Посошков, — видимо, его Марков имеет в виду, — русский экономист и мыслитель XVIII века, автор «Книги о скудости и богатстве».

Через два месяца Маслов прислал очерк. В ответ снова получил почтовую карточку.

13 ноября 1951 г.

Дорогой Николай Михайлович!

Час тому назад получил ваш пакет и уже пробежал рукопись. По-моему, интересно, но мне кажется, что её надо нагрузить за счёт аляскинского материала, дать побольше о Ситке, Русской Америке и т. д. Заканчивайте работу и присылайте мне или непосредственно в редакцию, а я постараюсь

проследить до конца за судьбой очерка. Вы пишете “Русско-Американская компания”. А это неверно, надо писать: “Российско-Американская”. Так всегда писали, подчёркивая этим широту задач компании.

Ваше письмо Максиму сейчас отошло. Его адрес на всякий случай: 43-й километр Ярославской ж. д., дачно-строительный кооператив, 3-я просека, д. 63, Виктору Алексеевичу Максиму, или ему же: Москва, Главный почтамт, до востребования. А курить-то я всё ещё курю и не могу избавиться от сей губительной привычки. Семья моя здорова и вас помнит и шлёт привет.

Присылайте законченную рукопись, что-нибудь будем с ней придумывать.

Жму руку.

Сергей Марков.

Просматривая годовое содержание “Вокруг света”, очерк о Яновском, который готовил Николай Маслов, я в журнале не нашёл. Однако в нём отсутствовала, — очевидно, в силу своей краткости — и заметка “Калужские канарейки”, “пристроенная” Марковым, и её, пользуясь тем же методом, можно было бы тоже не отыскать. Марков просит доработать рукопись, но затем речь о ней в переписке больше не заходит.

Кто такой Виктор Максимов, мне пока не удалось установить.

Либо в архиве Маслова сохранились не все письма Маркова, либо действительно в переписке наступил большой перерыв. В январе 1956 года калужский краевед получил очередную почтовую карточку. Марков за это время побывал в посёлке Агинском. В советские годы и позже он был центром Агинского Бурятского автономного округа. Итогом поездки стал очерк “Тибетская завеса” о просветителе, исследователе Тибета и Центральной Азии Гомбожабе Цыбикове. Ему принадлежит труд “Буддист-паломник у святынь Тибета”. Отдельная небольшая глава посвящена Цыбикову в книге “Вечные следы” Маркова, он писал о нём и раньше, опубликовав несколько лет назад отдельную статью в “Вокруг света”, в № 1 за 1951 год.

6 января 1956 г.

Дорогой Николай Михайлович!

Спасибо за память и новогодние поздравления. Я сравнительно недавно вернулся из нерчинской Даурии; был в глубине Агинской степи. Нашёл вдову исследователя Тибета Цыбикова, пробывшую с ним три года в Лхасе! Нашёл и другие документы о связях с Тибетом. Буду писать об этом книгу. Из “Вокруг света” меня подло выжили “конкуренты”. Это — благодарность за девятилетнюю работу... Работаю над историей Братского острога и Ангары, даурской стариной; одновременно развёртываю в большой очерк новые данные об Афанасии Никитине. Написал книгу “Земной круг” — манускрипт в 600 страниц — о мореходах и землепроходцах. “Земной круг” ходит по кругу издательских мытарств. Но, полагаю, такой труд пропасть не может.

Крепко жму руку.

Сергей Марков*.

Много новостей сообщает писатель. Думаю, это обусловлено всё-таки долгим перерывом в переписке. Следующая карточка из Москвы пришла Маслову через год.

12 февраля 1957 г.

Глубокоуважаемый Николай Михайлович!

Вы давно мне ничего не писали, да и не заходили, если бывали в Москве.

Как ваши дела? Неплохо бы, если бы вы послали в “Литгазету” отклик на мою статью “Буйволова голова”, приведя примеры из местной практики (они, надо полагать, имеются.) Редакция включила бы ваш отклик в обзорную статью. Нет ли в Калуге новых музейных и архивных находок?

Жму руку.

Сергей Марков**.

* ГАКО. Там же. Л. 17.

** ГАКО. Там же. Л. 19. Пометка Н. Маслова на письме: “Письмо о Челюскине 12/VI 1957 г. Письмо 10/1, запрос о рукописи”.

Упомянутая в письме статья была опубликована в “Литературной газете” от 10 января 1957 года. Речь в ней шла о декабристах, их вкладе в освоение Забайкалья, о попытках писателя увековечить память Дмитрия Завалишина, других исследователей и том противодействии, с которым он столкнулся. Буйволова голова изображена на старинном гербе Читы. В статье Сергей Марков поднял вопрос о памятнике Гомбожабу Цыбикову. Нельзя, говорили ему в Чите, он же ламаист! Писатель бил тревогу по поводу недопустимо пренебрежительного отношения к труду и наследию историков и общественных деятелей прошлого. Например, Читинский краеведческий музей исключил из своего названия слова “Имени А. К. Кузнецова”. Бывший нечаевец Алексей Кириллович Кузнецов отбывал каторгу на Каре, а потом жил на поселении в Нерчинске, где основал музей, и в Чите, где до 1928 года руководил музеем, издавал словари и справочники. . . Марков выступил в защиту задержанного издания книги “несправедливо забытого писателя и исследователя Забайкалья В. Я. Кокосова “На Карийской каторге”. Книга уже печаталась в Читинском издательстве, когда раздались столь знакомые местному учёному миру сначала короткие позывные, а потом продолжительные “сигналы”, а вслед за ними протяжное улюлюканье”. Причина “не пущать!” заключалась в том, что Владимир Кокосов публиковался. . . в “Русском богатстве”, которым руководил “ретроград” Николай Михайловский, и издавался у него. В 1955 году книга стараниями читинского краеведа Е. Д. Петряева всё-таки вышла.

Думаю, писатель знал, что Маслов обращался в том числе в “Литературную газету”, чтобы не допустить в Калуге строительство стадиона рядом с парком Циолковского, где находится могила учёного и когда-то стоял деревянный, ныне не сохранившийся дом, в котором останавливался Гоголь. Краеведу казалось недопустимым и кощунственным такое соседство. Кроме того, из-за строительства пришлось бы уничтожить часть столетних деревьев в парке. Эта история развернулась в самом начале 1950-х, и сама по себе она — тема отдельной статьи. Маслов мог сообщить о ней писателю в одном из писем. “Литературная газета” в советские годы пользовалась огромной популярностью, выходила миллионными тиражами. В архиве краеведа сохранилась переписка с редакцией, в архивной описи фонда Маслова ей присвоен номер 201. В одном из писем он упоминает, что благодаря содействию “Литературной газеты” строительство удалось прекратить. Упоминаний о “Буйволовой голове” в этой коллекции документов нет. В 1961 году на том месте, где предполагался стадион, Юрий Гагарин заложил первый, символический кирпич фундамента будущего Музея космонавтики. . .

В кратких биографиях Сергея Маркова упоминается, что он добился переименования города Каракол в Киргизии в Пржевальск (ныне ему вернули бывшее название), по его предложению сооружён памятник-маяк Семёну Дежнёву на Чукотке на мысе Дежнёва, присвоено имя Александра Грина одному из островов в северной части Тихого океана. Значит, должна быть переписка, связанная и с этими его общественными делами. Памятник Цыбикову, защита книги Владимира Кокосова — далеко не единственные направления деятельности писателя. . .

Осенью 1959 года Марков совершил на поезде “Москва — Пекин” поездку до Забайкалья, которую затем описал в цикле очерков, завершив его в следующем году в январе. Он так и назывался — “От Москвы до Забайкалья”. Советско-китайские отношения пока оставались дружественными. Он вспоминал юношеские годы, видел и оценивал экономическую мощь Сибири, её городов. . .

Среди писем писателя в архиве Маслова сохранилась вырезка из газеты с пометкой “ЛиЖ” со статьёй действительного члена Географического общества СССР Н. Болотникова “Искатель живой воды”. Это “Литература и жизнь”, № 140 от 25 ноября 1959 года. Было такое издание, орган Союза писателей РСФСР. Просуществовало четыре года. Газета опубликовала похвальный отзыв на сборник стихов Маркова “Золотая пчела”. Другая книга, упоминаемая здесь же, — “Земной круг”. Из “круга издательских мытарств” он до сих пор не вырвался.

“Труд писателя, его дарование — государственное достояние, значительно более редкое, нежели россыпи золота или других редких металлов, — пишет Н. Болотников. — “Земной круг” — смелая попытка писателя-исследователя

осмыслить замечательную историю великого народа. Надо помочь автору довести дело до конца. Нельзя допустить, чтобы ценная рукопись писателя продолжала лежать мёртвым капиталом!”

“Земной круг” шёл к читателю мучительно долго, и нужно лишь удивляться оптимизму Маркова, его вере (“полагаю, такой труд пропасть не может”)... С подзаголовком “Книга о землепроходцах и мореходах” он появился только в 1966 году в “Советском писателе”. “Круг...” несколько раз потом переиздавали. Поменяв существительное и прилагательное местами, Марков взял себе в качестве заголовка название сочинения исландского скальда (поэта) XIII века Снорри Стурлусона, написавшего в том числе “Младшую Эдду”, которую знают больше. Его “Круг земной” – сборник саг о конунгах, начиная с легендарных времён, а шире – о становлении скандинавских государств со сведениями об их соседях, вплоть до Византии. “Земной круг” Маркова – о русских и российских первопроходцах, о становлении России. Его продолжением стала вышедшая в 1973 году книга “Вечные следы”...

На последней почтовой карточке, которую Маслов получил от писателя, он оставил пометку: “К 1 янв. 62 г.”.

Дорогой Николай Михайлович!

В декабре 60 – январе 61 я был в Алматах. Приехал оттуда, угодил в больницу. Пролёжал там до 29 IV, т. е. выписался лишь вчера. Этим и объясняется моё молчание. Сейчас понемногу привожу в порядок изрядно запущенные дела. Когда будете в Москве, обязательно звоните и заходите. Буду рад вас видеть, узнать, как вы живёте и трудитесь.

У меня только что вышла книга стихов “Зелёные корни”. Скоро выйдет иллюстрированный “Юконский ворон” в Гослитиздате. До этого вышли рассказы “Арабские часы”. Вот короткие новости. Сейчас пишу книгу о Чокане Валиханове.

Как ваше здоровье?

Жму руку.

Сергей Марков.

Даты нет, кроме пометки Маслова и указания Маркова “выписался вчера”, стало быть, 30 апреля 1961 года. “Арабские часы” – рассказ, написанный ещё в 1927 году, в 1959-м он вошёл в состав упоминаемого сборника, изданного в Алма-Ате, которому и дал название. Туда “Казгослитиздат”, Казахское государственное литературное издательство, включило другие рассказы: “Цыганский узел”, “Камень чёрного калмыка”, “Голубую ящерицу”, “Воскрешение командора”, “Подсолнухи в Париже”, “Сожжённого лебедя”, “Похищение вселенной”, “Шпагу фокусника”. Добротный сборник на 180 страниц.

“Юконский ворон” действительно вышел в 1961-м снова. Это самый издаваемый роман писателя: в 1947-м его выпускал “Советский писатель”, в 1954-м – “Географиз”, в 1958-м – снова “Советский писатель”, наконец, в 1961-м – “Гослитиздат”. Именно об этом издании упоминает писатель. Потом наступил перерыв, после которого книга снова выходит к читателю: в 1970 и 1977 годах – в издательстве “Советская Россия”, в 1974-м – в Верхне-Волжском книжном издательстве, в 1974-м её выпускают в Ярославле, в 1982-м – в Красноярске, в 1986-м – в Хабаровске, в 1994-м – в Новосибирске и Москве. Это не всё. “Ворон” остаётся востребованным и в наши дни. В 2010 году книгу публикует “Роман-газета”.

Историко-биографическая повесть о Чокане Валиханове называется “Идущие к вершинам”. Она была завершена в 1962-м.

В 1967-м году, 6 августа, Николай Михайлович Маслов умер.

Его последнюю работу, доклад для краеведческой конференции о топонимике калужского края, прочла из-за болезни автора его ученица. Спустя четыре года Клавдия Маслова, вдова краеведа, передала документы, и среди них письма Маркова, на хранение в Государственный архив Калужской области.

Сергей Марков ушёл из жизни 4 апреля 1979 года.

Каждый, кому в “Земном круге” или “Вечных следах” посвящена короткая статья, заслуживает книги, но кто виноват, что человеческая жизнь столь коротка и её не хватит для такого дела. Актуален ли Марков-писатель сегодня, когда о многих его героях-землепроходцах опубликованы исследования,

романы, повести? У книг Маркова есть особое свойство: они умеют звать – в надежде на такую же судьбу, какая выпала герою. Не только само географическое открытие в центре внимания писателя, но человек, его совершающий. Его путешественник – создатель многогранной русской цивилизации, где “сверкают алмазы” самых разных самобытных культур. Этим создателем выступает и сам равнодушный автор. Своим творчеством Марков показывал, что человек прекрасен, когда идёт и смотрит вперёд, ищет, преодолевает, создаёт и познаёт – ради идеи, которая движет им. Его творчество необходимо тому, кто стремится сформировать себя и служить своей стране, беречь и отстаивать память о прошлом.

*Хвала вам, покорители мечты,
Творцы отваги и суровой сказки!
В честь вас скрипят могучие кресты
На берегах оскаленных Аляски.*